

УДК 165.721:070.481

ЖЕНСКИЕ ТИПЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. МЕЩЕРСКОГО

Ю.Б. Авдонина, Г.И. Щербакова

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, 445020, Россия

Аннотация

В статье проанализированы женские типы, представленные в публицистическом и художественном творчестве В.П. Мещерского (1839–1914) – издателя-редактора журнала «Гражданин», а затем одноимённой газеты. Выявлено влияние романтических и реалистических, эстетических и нравственных принципов, определена роль консервативной идеологии, приверженцем которой он был.

Авторы вводят в научный оборот полузабытые и давно не переиздаваемые произведения, вышедшие ещё при жизни литератора в 1870-х годах. Среди них: «Женщины из петербургского большого света» (1874–1879), «Записки застрелившегося гимназиста» (1875), «Речи консерватора» (1876), «Гайны современного Петербурга» (1876–1877), «Кавказский путевой дневник» (1878), «Петя Скуратов» (1878) и др. В результате в системе женских образов выделены такие типы, как женщина-ангел, предстающая верным другом и помощником; великосветская дама, в том числе светская львица, желающая всеобщего преклонения; эгоистичная нигилистка, забывшая о своём природном назначении; раскаявшаяся женщина, вернувшаяся к христианским патриархальным традициям.

По мнению авторов, объективный научный анализ, не допускающий давления той или иной политической идеологии, позволяет понять позицию В.П. Мещерского и оценить его вклад в историю русской журналистики, литературы и общественного движения.

Ключевые слова: женский вопрос, роль женщины в обществе, образ русской женщины, разночинцы и нигилисты, семья как опора государства, нравственные принципы, князь В.П. Мещерский

Во второй половине XIX в. среди наиболее острых проблем, послуживших поводом для написания художественных и публицистических произведений, находился так называемый женский вопрос, буквально разделивший общество на два лагеря. Вокруг него шли яростные дебаты, накал которых возрастал от 60-х к 70-м годам. Одним из активных участников этих дискуссий стал представитель крайне правых взглядов Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) – публицист и писатель, издатель-редактор журнала «Гражданин», а затем одноимённой газеты.

Будучи внуком Н.М. Карамзина, он рос в семье талантливых, литературно одарённых людей. Так, брат его отца Элим Петрович Мещерский известен как дипломат и поэт, а сестра матери Софья Николаевна Карамзина была хозяйкой литературного салона, дружила с А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым.

По женской линии Карамзины, а вслед за ними Мещерские породнились с баснописцем И.И. Дмитриевым и поэтом П.Ф. Вяземским.

Почтение к именитому деду переросло у Владимира Петровича в любовь и уважение к эстетическим и нравственным нормам пушкинской эпохи. Это сказалось на системе женских типов, идеалом в которой стала интеллигентная женщина-аристократка. В характерах таких героинь мы обнаруживаем сходные черты, связанные с представлениями публициста о своей матери – Екатерине Николаевне, которую сын буквально боготворил. Так, вспоминая о ней, он пишет: «Мать моя, старшая дочь великого Карамзина, была олицетворением высокой души в лучшем смысле этого слова; подобной ей русской женщины я не встречал: ум её был замечательно светел и верен, сердце никогда не билось ни слабо, ни вяло, оно всегда билось сильно и горячо; Россия была культом её души, а рядом с этим всё в жизни мира её интересовало; в каждой мысли и в каждом слове её слышалось вдохновение правды и благородства»¹ (М1, с. 333). Или: «В матери моей был неиссякаемый источник жизни высокой, благородной, светлой для каждого из нас: её светлый ум был с колыбели наш наставник, её русское карамзинское сердце воспитало нас в тех чувствах, которыми сыновья её беспредельно любят своё отечество. Она была нашим ангелом и нашим гением...» (М2, с. 388).

Однако совсем иной образ княгини Мещерской создают воспоминания людей, близких этой семье. Например, придворная фрейлина А.Ф. Тютчева отмечает, что «ум княгини Екатерины Николаевны был необычайно язвительный, характер цельный и страстный, столь же абсолютный в своих симпатиях, как и антипатиях, в утверждениях, как и в отрицаниях. Для неё не существовало переходных оттенков между любовью и ненавистью, на её палитре были только эти две определённые краски» (Т, с. 23). Налицо идеализация, которую питает не просто сыновья любовь, но и духовные ценности, избранные князем.

Зададимся вопросом: насколько Мещерский как человек был последователен в отношении к женщине? Дело в том, что личная жизнь публициста была тщательно скрыта от посторонних глаз. История его нежных чувств в молодые годы частично представлена в письмах к будущему императору Александру III. Писатель и наследник престола были влюблены в двух подруг-красавиц: первый – в Александру Васильевну, дочь поэта В.А. Жуковского, второй – в Марию Элимовну, двоюродную сестру В.П. Мещерского. Однако возлюбленная Владимира Петровича имела тайный, не одобренный двором роман с великим князем Алексеем Александровичем, с которым она заключила брак, впоследствии аннулированный. Что касается страстно влюблённых Александра Александровича и Марии Элимовны, то царская семья наложила запрет на продолжение их отношений.

В письмах Мещерского царственному confidentу звучат сдержанные отзвуки личных переживаний: «Сегодня, в 11 часов приехал в город и, выходя из вагона встретил... А.В. [Жуковскую]: опять взглянули друг на друга холодно, опять поклонились и молча разошлись! Жаль Вам меня, как мне жаль Вас?»

---

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация даются в соответствии с нормами современного русского литературного языка. – *Ред.*

(М2, с. 115). В другом письме содержится более открытое признание: «Вообразите моё удивление: перехожу улицу, едет коляска, в ней две дамы, поднимаю голову, смотрю и вижу... А.В. Жуковская, прелестнее, чем когда-либо! Мы раскланялись и рассмеялись, но на душе стало грустно, очень грустно!» (М2, с. 133). А последняя запись, относящаяся к концу 1865 г., перечёркивает все надежды князя: «А.В. [Жуковская] познакомила меня со своим братом, который мне яко брат её весьма понравился. Толковали мы с ней про... всё, словом, что имеет цену, прелесть и жизнь! Разумеется, более, чем когда-либо я очарован, но к чему, когда взглянешь с холодным вниманьем вокруг? Не мне её любить, не мне быть ею счастливым» (М2, с. 150). Обращает на себя внимание то, что в любимой женщине Мещерский ценит как внешнюю прелесть, так и её духовное развитие, возможность поговорить с ней на различные темы.

По воспоминаниям современников (см. Б1, Б2), А.В. Жуковская была широко образованной девушкой, знала несколько языков, разбиралась в искусстве, имела собственный стиль поведения, считалась чуткой собеседницей. В связи с этим выдвигается предположение, что даже её противозаконная любовь к великому князю могла иметь очарование в глазах В.П. Мещерского, поскольку она соответствовала романтическим канонам женского образа, хотя и разбила его сердце. Тот факт, что позднее, по сведениям Н.В. Черниковой, он осуждал бывшую возлюбленную за рождение незаконного ребёнка от младшего брата наследника престола (М2, с. 15), вполне укладывается в романтико-монархическую идеологию. Ведь одно дело – возвышенная любовь со страданиями, и совсем другое – подрыв благопристойности царской фамилии.

Отметим: по складу характера, эстетической программе и преобладающей поэтике художественных произведений Мещерский был представителем романтического направления. Ему близка биполярная картина мира, противопоставление идеологем и человеческих типов. Если романтики 30-х годов XIX в. выделяли два основных женских образа – ангельский и демонический, то Мещерский спустя сорок лет сконцентрировался на антитезе любви и эгоизма.

Воплощение **идеального типа женщины-помощницы** можно найти в его публицистических циклах, посвящённых военным событиям на Балканах и Кавказе. Любящая и сострадающая женская природа проявляется, когда и аристократки, и простые русские женщины усердно работают в госпиталях, давая утешение и любовь раненым. Например, в письмах из Сербии, датированных 1877 г., Мещерский, наряду со светлыми образами русских героев-солдат, описывает возвышенный тип русской девушки – княгини Натальи. Её сердце загорелось любовью к сербскому эмигранту Милану, которому суждено было возглавить движение за освобождение родины от турецкого владычества. В результате Наталья не только покинула родину, но и стала сербской патриоткой, в отличие от местных женщин, озабоченных мелкими бытовыми проблемами. Она готова принести на алтарь любви не только силы, время и деньги (всё своё приданное княгиня отдала на вооружение сербской армии), но и жизнь, и здоровье. Так, на следующий день после родов она «встала и поехала навстречу транспорту с ранеными» (М3, с. 344). Размышляя о превращении молодой иностранки в героиню народной войны, Мещерский пишет: «Во все критические времена у народов появляются крупные личности, которые концентрируют

в себе великие движения мысли и стремления сердца, составляя духовный мир народа в данную минуту. Тогда являются герои и героини, для современников они двигатели, для потомков легендарные лица...» (МЗ, с. 341).

Тема женщин на войне продолжается в «Кавказском путевом дневнике» (1878). Находясь на восточном фронте сражений с Турцией и посещая военные госпитали, Мещерский встречался с сёстрами милосердия, которые, несмотря на разницу образования, состояния или происхождения, объединены состраданием к раненым солдатам, желанием помочь, облегчить боль, исцелить не только тело, но и загрубевшую душу. С документальной точностью, непривычно сухо вато он так говорит о своей знакомой Н.А.: «...Это образ русской женщины, верующей, любящей, могучей волею, самоотвержением, отличающейся бессловностью – он благословен» (М4, с. 94). Превыше всего публицист ценит любовь и сострадание, проявленные медицинскими сёстрами, и признаёт их истинно христианскими качествами, питающими женскую духовную энергию.

Другой пример идеального женского образа иллюстрирует переработанный для дневника газетный некролог, посвящённый великой княгине Елене Павловне. Интересно, что эта незаурядная женщина заочно примирила демократа Н.Г. Чернышевского и консерватора В.П. Мещерского, так как оба высоко оценивали её личные качества и общественное значение. Будучи высокообразованным человеком, меценатом, она оказывала поддержку артистам, писателям, художникам, учёным, разделяла многие либеральные идеи, опережая сословную ограниченность своего круга. Современники отмечали роль великой княгини в формировании общественного мнения по поводу отмены крепостного права (см., например, БЗ; Ф, с. 622–623). В ней Мещерский ценил то, что считал доминантной чертой женского типа, – любовь, а именно самую возвышенную её форму – любовь к Отечеству. Он восхищался принципом Елены Павловны, согласно которому «положение русской великой княгини не есть преимущество, не есть право наслаждаться тем, чего другие не имеют, а трудная и великая должность перед престолом и государством, для исполнения которой нет пределов в усилиях и любви к России» (М1, с. 401). Важнейшим её качеством, по мнению писателя, была гармония «физической, умственной и нравственной красоты» (М1, с. 405). «Стоило ей только услышать, – пишет Владимир Петрович, – что в том или другом углу проснулось дарование и нуждается в поддержке, в средствах к образованию, как уже рука её готова была дать... Её нетерпеливое желание призвать, увидеть, расспросить человека, живым словом своим ободрить его, поднять его на высоту и отпустить возбуждённого, весёлого, с верой в своё призвание, с отрадным сознанием сочувственной силы!» (М1, с. 406). Кроме этого, Мещерский высоко оценивал организаторские способности Елены Павловны, её умение претворять новые идеи в жизнь, самостоятельность в делах благотворительности. Именно женщина, полагал публицист, может оказывать облагораживающее и очищающее влияние на общество, семью и юношество.

Как видим, душевная чистота, кротость, сострадание, самоотверженность, нежность и доброта – вот основные черты излюбленного Мещерским женского типа, берущего своё начало из романтической литературы, которая превозносила женщину над житейской прозой, изображала её «как гения чистой красоты»,

противопоставляла порочности мира. Несмотря на внешнюю слабость и хрупкость, она отличается сильным духом и поддерживает других. Непростые, порой трагические внешние обстоятельства только укрепляют её.

Эти черты «женщины-ангела» ярко представлены не только в публицистическом, но и в художественном творчестве Мещерского. Например, в повести «Петя Скуратов» (1878) такой образ воплощает Вера Семёновна. Главный герой, по имени которого названо произведение, в прошлом любитель кутежа, встретил эту девушку, когда заболел чахоткой. Она стала для него сиделкой, верным другом, ангелом-хранителем. Рассказчик при первой встрече с Верой находит её очень приятной и милой: «Редко я встречал более симпатическое лицо, по естественности в каждом оттенке, так сказать, её внешней личности» (М5, с. 33); «Я испытал на себе чарующее влияние правдивости этой личности...» (М5, с. 34).

Стоит отметить, что указанная черта – привлекательность героини – присуща всем представительницам данного типа в художественных произведениях В.П. Мещерского. В их жестах сквозит простота и открытость, они спокойны, иногда даже смиренны, но, несмотря на это, решительны в своих поступках. Такова княжна Мария Мытищева – героиня романа «Женщины из петербургского большого света» (1874–1879): «Она казалась кроткою, даже смиренною, головка её всегда склонялась, и что-то скромное и даже застенчивое проглядывало во всех её движениях» (М6, ч. 1, с. 76); «...С лицом, в котором как будто загоралась каждая черта, каждый оттенок её физиономии, и сейчас же начинались расспросы, рассказы, под аккомпанемент звучного, но тихого и чистого смеха» (М6, ч. 1, с. 76–77). Смелость княжны состоит в том, что она наперекор матери, настоящей светской львице, хочет отказаться от роли дамы света и посвятить свою жизнь детскому образованию, став сельской учительницей.

Волевым характером обладает и Вера Семёновна, которая с первой встречи с Петром Скуратовым поставила перед собой цель вылечить его. Для этого, по её мнению, нужно уехать в деревню, в родовое имение героя, где на чистом воздухе, среди лесов и полей, вдали от развращённого большого света он пойдёт на поправку. «Завтра мы едем в деревню, – твёрдо и решительно сказала Вера, – это решено» (М5, с. 57). Автор подчёркивает силу воли героини, используя наречия «твёрдо», «решительно». Она неуклонно следует выбранному пути, однако делает это мягко, осторожно, стараясь никому не навредить.

Появление тяжёлого внешнего обстоятельства в лице княгини Скуратовой, матери главного героя, не заставило её отказаться от задуманного. Представляя совершенно иной тип суровой, гордой женщины, княгиня не скрывала своей неприязни к Вере и была категорически против женитьбы сына на ней. «Усилия были слишком велики для бедной девушки и пытка слишком мучительна, – пишет автор. – Две слезы вырвались из глаз против воли, голос звучал как слишком натянутая струна, он сорвался, и едва Вера успела договорить последнее слово, как из глубины груди вырвалось рыдание.

Но это продолжалось только мгновение.

Энергичная девушка как будто устыдилась своего взрыва и разом вернула своему разуму и своей воле полное обладание нервами» (М5, с. 95).

Вера Семёновна не сдалась и нашла выход, при этом она не пошла наперекор Скуратовой: «Простите, княгиня, – сказала дрожащим голосом Вера, – вы мне сказали вчера, что если б я была сестра милосердия, я могла бы ухаживать за вашим больным сыном. Я поступила в сёстры милосердия» (М5, с. 115). В этих словах нет никакой скрытой насмешки и злорадства победительницы. В конечном итоге Пётр выздоравливает, вместе с Верой они остаются в деревне, женятся и открывают школу. С одной стороны, смирение перед жизненными обстоятельствами, а с другой – мягкая, но упорная борьба с ними отличают женщин данного типа у В.П. Мещерского.

Героиня рассказа «Записки застрелившегося гимназиста» (1875) также подходит под эту характеристику. В произведении описаны трагичные обстоятельства: в семье умирает мать, брата – гимназиста Серёжу – и его сестру разлучают, определяя по разным домам родственников. Каждый день главного героя мучают мысли о бессмысленности жизни, но после встреч с сестрой на душе его становится светло. Вот главная задача женщины-помощницы – воскрешать упавший дух героя, отгонять дурные помыслы, освещать своим тёплым душевным светом всё вокруг. Между тем жизнь этой девушки не была простой: после смерти матери на ней захотел жениться её собственный дядя, в доме которого она жила. Как и у Веры Семёновны, у героини рассказа тоже бывали срывы, когда казалось, что света впереди нет и помощи ждать неоткуда: «Но куда мне деться? – прошептала сестра» (М7, с. 22). Однако минуты слабости проходили, она собиралась с духом и терпеливо боролась с окружающими невзгодами. Смирение её в конце концов было вознаграждено: она встретила честного и хорошего человека, который женился на ней, а её брат, хоть и стрелял в себя, остался жив.

К такому же типу относится жена Степана Боба, главного героя и рассказчика из романа «Гайны современного Петербурга» (1876–1877). Ни разу за всё повествование (а в романе 529 страниц!) не называется её имя. Однако эта героиня явно или скрыто присутствует почти в каждой главе. Степан приезжает в Петербург из провинции и пытается понять неизвестный ему город, знакомится с новыми людьми и, соответственно, попадает в самые разные ситуации. Советуясь с женой, он всегда находит в её лице поддержку и опору – с этой целью данный образ введён в роман (см. М8).

Практически все представительницы первого типа женщин, о которых уже шла речь, не занимали высокого положения. Однако их, по мнению В.П. Мещерского, можно встретить и в великосветских гостиных. В предисловии к третьей части романа «Женщины из петербургского большого света» он пишет: «В свете большом есть большая нравственная сила: сила эта – его женщины. Мужчины слабы, пусты и нередко женственно-изнеженны; женщины крепки, серьёзны и нередко очень мужественны!» (М6, ч. 3, с. 3). Таковой является Елизавета Николаевна Гагарина – девушка девятнадцати лет, провинциалка, которая страстно любит своё родовое имение, но в итоге становится светской дамой, блистающей в гостиных Петербурга. Интересно, что она, как и другие героини этого типа, учила детей в сельской школе, основанной ею же. Стремление быть полезной, не расходовать понапрасну свою жизнь – вот что объединяет этих женщин. Подчеркнём: путь Елизаветы Николаевны в петербургские гостиные был непрост. Перед ней возникало множество трудностей, её опутывали интригами

и компрометирующими слухами, но героиня достойно выдержала все испытания. Став женщиной большого света, она сохранила в себе ангельское начало, кротость, смирение, человеколюбие. Смеем предположить, что В.П. Мещерский привел её в петербургские гостиные именно для того, чтобы она ослабила господствовавшие там пошлость и лицемерие. Не зря в упомянутом предисловии автор пишет: «Женщин таких в большом свете немало. А когда на самых высоких положениях общества жизнь ставит людей в соприкосновении с таким чудным идеалом женщины, какою является княгиня Елизавета, тогда столько людей могут найти у этого источника примеры к подражанию, прекрасные светлые взгляды на жизнь и стремление к её идеалам!» (М6, ч. 3, с. 3).

Ещё одна черта, свойственная данному типу, – искренняя религиозность. И Вера Семёновна, и Мария Мытищева, и Елизавета Николаевна свою судьбу передают воле Божьей. «Господи, в руки Твои отдаю своё счастье, устрой его как Тебе угодно!» – восклицает Лиза в самом начале произведения (М6, ч. 1, с. 66).

Таким образом, тип женщины-помощницы, символизирующей поддержку и опору, широко представлен и в публицистических, и в художественных произведениях В.П. Мещерского. Он обусловлен романтической эстетикой с её дихотомией добра и зла, ангела и демона. Подобные героини, будучи смиренными и преданными, упорно следуют к поставленной цели, при наружной мягкости и кротости они обладают сильным волевым характером.

Следующий женский тип, широко представленный в основном на страницах беллетристики В.П. Мещерского, – это **светская дама**. Умная, хитрая, холодная, расчётливая, она точно знает, чего хочет, и умеет добиваться своего. Такая женщина не остановится ни перед чем ради достижения цели. Через описание подобных героинь писатель обличает пороки большого света, например: оглядку на мнение света, невнимание к собственной семье, пошлость, фальшивую религиозность и др. Так, уже упомянутая княгиня Скуратова – настоящая гранд-дама, в которой рассказчик быстро рассмотрел главные черты этого женского типа: «В её лице я с первого же взгляда увидел что-то холодное и гордое» (М5, с. 64). Все они кичатся своим происхождением и свято чтут родовое имя. В частности, княгиня Мытищева «исповедовала... веру в то, что князя Светозаровы и князя Мытищевы были существами, получившими от Бога, по рождению, право считать себя созданными из особых – Светозаровского и Мытищевского – теста и духа, и эту веру ничто не могло поколебать в её жизни» (М6, ч. 1, с. 84). «...Десять смертей лучше этого позора имени, которое ношу я, носил мой муж, носит мой сын» – это слова княгини Скуратовой (М5, с. 117).

В.П. Мещерский неоднократно показывает склонность подобных грандам к самообману, когда они совершенно искренне считают, что все их действия направлены на благо семьи. Между хорошей репутацией в глазах света и счастьем детей они ставят знак равенства. Мнение собственных дочерей и сыновей их не волнует, важно только то, что об этом скажут в петербургских гостиных. Пётр Скуратов хотел жениться на любимой девушке и спокойно жить в деревне, на что мать возразила ему: «Она... слишком красива и молода для того, чтобы могла быть не замеченною, и если её заметят, то пойдут всевозможные толки» (М5, с. 111). А княжна Мария Мытищева, мечтавшая стать сельской учительницей и приносить пользу деревенским детям, получила такой

ответ матери: «Ведь меня на смех подымут, если узнают, что моя дочь, княжна Мытищева, готовится в сельские учительницы! Когда она будет свободно располагать своею судьбою, она может идти в какие угодно смиренницы, но пока она в моём доме, пока она носит наше имя, пока я перед светом отвечаю за неё, я не могу допустить, чтобы из-за капризов ребёнка на меня указывали как на уродливую мать» (М6, ч. 1, с. 99).

Руководствуясь мнением света, такие женщины не замечают, как своими руками губят родных детей. Петру Скуратову повезло: рядом с ним оказалась сильная Вера, сумевшая противостоять великосветской даме Скуратовой. А вот схватка между княгиней Мытищевой и смиренной княжной Марией завершилась печально: девушка погибает. Стереотипы большого света раскрываются и в романе «Хочу быть русскою» (1877). Одна из героинь, княгиня Томилина, «понятия не имела о душе своего ребёнка. Она не знала: религиозна ли она или нет; добра ли она или зла, хитра или прямодушна, откровенна или скрытна, мягка или жёстка, доверчива или недоверчива, умна или глупа, – ничего этого она не знала, да и никогда себя на этих вопросах не останавливала: она об них даже понятия не имела» (М9, ч. 1, с. 12). В итоге девочка стала точно такой же гранд-дамой, как и её мать: «С трёх лет душа княжны стала жить в гостиной большого петербургского света. При таком условии вышел из неё тип довольно курьёзный» (М9, ч. 1, с. 13).

К религии великосветские дамы относятся как к формальной обязанности. Очень показательны следующие сцены. Когда герои повести «Петя Скуратов» прибыли в деревню и раздался колокольный перезвон, «врач перекрестился», тогда как «княгиня перекрестила свою брошку» (М5, с. 148). А в романе «Женщины из петербургского большого света» этому посвящена отдельная глава «Обедня в большом свете»: «В промежутке между “Отче наш” и причастным стихом ввалилось до 20 дам; одна наряднее другой, и они стали проталкиваться вперёд, в самую церковь. Дама, стоявшая возле англичанина, глядела в лорнет и тщательно рассматривала каждый модный туалет» (М6, ч. 1, с. 116). Поход в церковь для них – это ещё один способ покрасоваться новым нарядом, завязать полезное знакомство или получить очередную порцию светских слухов. Между тем отсутствие на обедне может привести к осуждающим толкам, что навредит репутации.

В рамках рассматриваемого типажа можно выделить такой подтип, как **светские львицы**, так называемые женщины-вампы. Они стремятся к всеобщему обожанию, исходящему и от мужчин, и от женщин. Такова Наталья Павловна Саблина из романа «Ужасная женщина» (1878). Не имея титула, она всей душой желала заполучить признание света. Когда ей приходит депеша о смерти мужа на поле битвы, она не испытывает никаких чувств, кроме радости и надежды, что теперь сможет свободно следовать своему плану: «Моя добродетель, в которую одни не верят, которую другие ни во что не ставят, получит свою цену, когда у моих ног будут с ума сходить люди от любви ко мне, и, вместо меня, получат мою насмешку и моё презрение...» (М10, ч. 1, с. 85). Героиня заводит знакомство с княгиней Натальей, которая добродетельна и проста, несмотря на своё богатство и высокое положение в свете. Наталья Павловна хочет стать похожей на неё и приходит в отчаяние, когда видит безрезультатность своих усилий: «Надо сознаться, я ужасная женщина: меня в ярость приводит мысль,

что в доме этой княгини пахнет настоящей святостью и настоящим аристократизмом. А у меня не пахнет» (М10, ч. 1, с. 88). Как правило, подобные героини у В.П. Мещерского добиваются высокого положения в обществе путём интриг, удачных замужеств, лжи. Они лишены таких качеств, как сердечная теплота, искренность, доброта: «Наталья Павловна не имела в себе никаких даже признаков культа нравственности. Всякое соображение из мира нравственности для неё было мёртвой буквой, пустым звуком» (М10, ч. 1, с. 73).

Очень похожа на Саблину графиня Трубецкая, героиня романа «Женщины из большого петербургского света». Портрет её, как внешний, так и внутренний, рисуется автором поразительно ярко: «...Улыбающаяся её физиономия как будто говорила: «Здравствуйте, здравствуйте, мои дорогие, чёрт бы вас всех побрал!» (М6, ч. 1, с. 117); «графиня Трубецкая не умела любить, зато она отлично умела ненавидеть» (М6, ч. 1, с. 136). Получив титул графини с помощью нескольких выгодных замужеств, всю свою жизнь она посвятила тому, чтобы ненавидеть всех вокруг. Женщины такого типа, по мнению В.П. Мещерского, внутренне несчастны, хотя и не понимают этого: «Как только графиня видела или предугадывала в ком-нибудь спокойствие простого правдивого счастья, в ней зарождалась похоть разрушить это счастье; достижение этой цели она называла величайшим своим счастьем» (М6, ч. 1, с. 136). Графиня Трубецкая «была обладательницей самого ценного сокровища для верного успеха в жизни: талисман этот был полное и безусловное отсутствие всяких принципов нравственности!» (М6, ч. 1, с. 137).

Если гранд-дамы заботятся о своих детях, хотя и достаточно своеобразно, то светские львицы лишены материнского инстинкта. Они настолько поглощены заботами о том, как всех покорить, что о детях им думать некогда. Вот Н.П. Саблина идёт сообщить детям о смерти отца, а в это время думает: «А что я с ними теперь буду делать?» (М10, ч. 1, с. 19). Схожее отношение прослеживается у княгини Ольги Сергеевны Сухановой, героини произведения «Лорд-апостол в большом петербургском свете» (1876). Когда она объявила мужу о решении развестись с ним, князь указал на детей как на обстоятельство, которое может усложнить процесс. В ответ на это «лицо княгини выразило внезапное сотрясение; она смолчала, но по лицу её было ясно видно, что она сказала следующие слова: я про детей совсем позабыла» (М11, т. 2, с. 66). В результате О.С. Суханова оставила их мужу, чтобы те не мешали ей пополнять армию обожателей.

Переведение женского вопроса в моральный аспект позволяет В.П. Мещерскому создать женский тип **нигилистки**, одержимой эгоизмом, забывшей о своём природном назначении – быть источником любви и духовной силы для членов семьи. А.Ш. Бик-Булатов отмечает, что «в истории русской журналистики уже был период, когда нигилистические тенденции вышли в обществе на первый план» [1, с. 68], имея в виду 60-е годы, повлиявшие на творчество В.П. Мещерского.

В этой связи следует отметить, что «женский вопрос» возник на волне демократического разночинского движения 1860-х годов, менявшего социальную карту России. Молодёжь, получившая звание нигилистов, требовала расширения своего социального пространства, большей свободы в выборе жизненной траектории. Такую же позицию заняли женщины. Уровень их образования рос в соответствии с требованиями общества, а возможность найти квалифицированную

высокооплачиваемую работу была ниже, чем у мужчин, что обусловлено как социальными предрассудками, так и чисто формальной стороной – отсутствием документов об образовании. С правовой точки зрения самостоятельное автономное проживание без надзора семьи женщина могла получить либо с согласия старших родственников, либо став вдовой. Поскольку первые пореформенные годы привели к падению жизненного уровня многих семей, принадлежащих среднему классу и нижней страте дворянства, женская занятость стала необходимостью. Как следствие, насущным стал вопрос об образовании, начали подниматься проблемы семейного деспотизма, имущественного бесправия и проч. (подробнее об этом см. [2]).

В.П. Мещерский как консерватор чрезвычайно болезненно воспринимал требования женского движения. Именно семью он считал опорой государства, а потому в изменении социальных ролей видел покушение на его устойчивость. Данную проблему публицист рассматривал с точки зрения нравственности: если женщина как душа семьи и хранительница очага изменит свою деятельность, то она не сможет уделять должного внимания престарелым родителям и детям. Заметим, что подтверждений тому в те годы было немало. Достаточно вспомнить историю, когда писательница А.И. Соколова, происходившая из дворянского рода Денисьевых, подбросила своего 6-месячного ребёнка в чужую мещанскую семью. Впоследствии её сын, В.М. Дорошевич, стал журналистом, театральным критиком, известным фельетонистом, он так и не простил этого поступка (см. Д, с. 624–626).

Со злой усмешкой даёт Мещерский неприглядную характеристику представительницам этого типа в своих публицистических статьях, опубликованных в сборнике «Речи консерватора»: «Женщина, требующая себе новых прав, перестаёт быть женщиной: в одной, полубразованной, среде ей нужны синие очки и обстриженные волосы как признаки своего протеста, а в другой среде, более образованной, она доходит до последних пределов извращения мыслей и не отступает ни перед какими, самыми очевидными изобличениями её практической несостоятельности» (М12, ч. 2, с. 8). Стремление к бесконечному расширению прав Мещерский называет «умственной похотью, проявлением нравственного хаотического состояния» русского общества (М12, ч. 2, с. 63). Женщины такого типа в его публицистике непривлекательные, самоуверенные, недалёкие, они бессмысленно твердят громкие, но пустые лозунги, как, например: «Призвание женщины с каждым годом расширяется в своей области: вчера эта область была кухня, завтра это будет человечество!» (М12, ч. 2, с. 10). Он настойчиво проводит мысль: женщина, изменившая своей сути, перестаёт быть женщиной, потому что «если нет любви – нет и нравственной силы» (М12, ч. 2, с. 62).

В художественных произведениях писателя подобные дамы представлены несколько карикатурно. Самый яркий пример мы находим в романе «Тайны современного Петербурга». Графиня Реброва и её дочь увлекаются модным явлением – нигилизмом, причём мать слепо повторяет за дочерью, стремясь не отстать от передовых женщин своего времени. Однако рассказчик Степан Боб очень быстро понимает, что и Реброва-младшая «такая же нигилистка, как я – нигилист! Тип дутый, а не живой!» (М8, ч. 1, с. 141). На самом деле девушка была влюблена в юношу из среды нигилистов и, чтобы ему понравиться, переняла

их манеры речи и внешний вид, но в душе осталась всё той же аристократической натурой. «Двигателем всей этой метаморфозы была любовь, любовь, правда, смешная, безрассудная, но всё же любовь, то есть естественное чувство женского сердца, а с другой стороны, решимость прельстить свой идеал не столько напускными и дутыми прелестями передовой нигилистки, сколько чарами женщины, девушки, притом не какой-нибудь, а девушки с высоким духом, с образованием, словом – девушки, с позволения сказать, аристократической» (М8, ч. 1, с. 164). Мещерский показывает, что женщины не могут быть нигилистками в полном смысле слова, это что-то напускное, неосновательное. А если даже дама всерьёз увлеклась данным направлением, в конце концов её натура всё равно возьмёт верх, и она вернётся к себе настоящей.

Отметим: при всей склонности Мещерского к романтическому мироощущению на него не могла не подействовать реалистическая русская литература, которой не свойственно столь полярное изображение психологии человека. Этим объясняется появление в его публицистическом творчестве переходного типа, который можно условно обозначить как **прозревшая** или **раскаявшаяся** женщина. В сборнике «Речи консерватора» В.П. Мещерский описывает разрушение семьи, в которой дочь под влиянием «прогрессивного» младшего брата оставила без заботы старого больного отца и уехала в Петербург ради «свободной экономически независимой деятельности в качестве наборщицы в типографии» (М12, ч. 2, с. 62). Комментируя эту историю, автор пишет: «Мы видим то множество семей, откуда выходят эти свободные женщины, оставляя за собою стариков и старух, убитых горем и стыдом, изнемогающих от нищеты, и молитвами, слезами и страданиями вымаливающих у Бога прощение детям, покинувшим отцовский дом, с презрением к его нуждам» (М12, ч. 2, с. 3–4). Мещерский полагает, что новые идеи на самом деле являются замаскированным эгоизмом, в основе которого лежит идея безответственности и своеволия.

Таким образом, в публицистическом и художественном творчестве В.П. Мещерского 70-х годов XIX в. можно выделить следующие женские типы:

1) женщина-ангел, верный друг и помощник, хрупкая снаружи, но сильная внутри;

2) гранд-дама, женщина большого света, зависимая от мнения окружающих. Отдельно выделяется подтип светских львиц, которых отличает маниакальное стремление к разрушению чужого счастья и страстное желание всеобщей любви и поклонения;

3) эгоистичная нигилистка, которая, как правило, в конечном счёте превращается в даму высшего света;

4) раскаявшаяся женщина, которая под влиянием некоторых событий, встреч или чтения литературы, чаще религиозной, пересматривает прежние взгляды и возвращается к христианским патриархальным традициям.

Система женских типов в публицистике и беллетристике В.П. Мещерского была сходной, как и их оценка. Однако не все образы, представленные в его художественных произведениях, могли быть воссозданы в критических статьях. Цензурные и этические нормы, а также документальная природа этой литературной области сужали спектр женских типов, но в то же время придавали остроту и широту морально-философским обобщениям писателя.

Источники

- Б1 – *Божерянов И.Н.* Памяти великого князя Михаила Павловича (1798–1898) // Рус. старина. – 1898. – Т. 93. – № 2. – С. 401–420.
- Б2 – Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Рус. архив. – 1878. – № 11. – С. 348–368.
- Б3 – *Бахрушин С.* Великая княгиня Елена Павловна // Освобождение крестьян: Деятели реформы: Сб. ст. – М.: Науч. слово, 1911. – С. 115–172.
- Д – *Дорошевич В.М.* Воспоминания. – М.: Нов. лит. обозр., 2008. – 808 с.
- М1 – *Мещерский В.П.* Воспоминания. – М.: Захаров, 2003. – 860 с.
- М2 – *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу. 1863–1868. – М.: Нов. лит. обозр., 2011. – 730 с.
- М3 – *Мещерский В.П.* Правда о Сербии: Письма кн. В. Мещерского. – СПб.: Тип. В.В. Оболенского, 1877. – 384 с.
- М4 – *Мещерский В.П.* Кавказский путевой дневник. – СПб.: Тип. Г.Е. Благодетель, 1878. – 375 с.
- М5 – *Мещерский В.П.* Петя Скуратов; Современная летопись; Ночь 15 июня. – СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. – С. 1–185.
- М6 – *Мещерский В.П.* Женщины из петербургского большого света: в 3 ч. – СПб.: Тип. и хромофотогр. А. Граншеля, 1874–1879.
- М7 – *Мещерский В.П.* Записки застрелившегося гимназиста. – СПб.: Тип. и литогр. В.В. Оболенского, 1875. – 80 с.
- М8 – *Мещерский В.П.* Тайны современного Петербурга: в 4 ч. – СПб.: Тип. и литогр. В.В. Оболенского, 1876–1877.
- М9 – *Мещерский В.П.* Хочу быть русскою: в 4 ч. – СПб.: Тип. В.А. Тушнова, 1877.
- М10 – *Мещерский В.П.* Ужасная женщина: в 2 ч. – СПб.: Тип. Г.Е. Благодетель, 1878.
- М11 – *Мещерский В.П.* Лорд-апостол в большом петербургском свете: в 4 т. – СПб.; М.: М.О. Вольф, 1876.
- М12 – *Мещерский В.П.* Речи консерватора: в 2 ч. – СПб.: Тип. и литогр. В.В. Оболенского, 1876.
- Т – *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник, 1853–1882. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. – 398 с.
- Ф – *Федорченко В.И.* Императорский дом. Выдающиеся сановники: в 2 т. – Красноярск: Бонус; М.: Олма-Пресс, 2000. – Т. 1. – 69 с.

Литература

1. *Бик-Булатов А.Ш.* Русская журналистика 1860–1870-х годов: Нигилистический дискурс. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 158 с.
2. *Латишина Г.С.* Женское лицо русской журналистики. – М.: МедиаМир, 2012. – 282 с.

Поступила в редакцию
27.03.17

Авдониная Юлия Борисовна, аспирант кафедры журналистики и социологии

Тольяттинский государственный университет
ул. Белорусская, д. 14, г. Тольятти, 445020, Россия
E-mail: julesen@mail.ru

Щербакова Галина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и социологии

Тольяттинский государственный университет
ул. Белорусская, д. 14, г. Тольятти, 445020, Россия
E-mail: *sherbakova-galin@yandex.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 3, pp. 753–765

Female Types in V.P. Meshchersky's Publicistic and Fictional Works

Yu.B. Avdonina*, *G.I. Shcherbakova***

Togliatti State University, Togliatti, 445020 Russia
E-mail: **julesen@mail.ru, **sherbakova-galin@yandex.ru*

Received March 27, 2017

Abstract

Female types in the publicistic and fictional works of V.P. Meshchersky (1839–1914), the publisher and editor of the “Grazhdanin” journal and the same-named newspaper, have been analyzed. The influence of romanticist and realistic principles, aesthetic and moral principles has been identified. The role of the conservative ideology supported by V.P. Meshchersky has been determined.

The paper discusses the half-forgotten works of the author that were published in the 1870s and have not been reprinted for a long time. These works are “Women of St. Petersburg’s Haut Monde” (1874–1879), “Notes of a High-School Student Who Shot Himself” (1875), “Conventionalist’s Speeches” (1876), “Secrets of Contemporary St. Petersburg” (1876–1877), “Caucasian Travel Diary” (1878), “Petya Skuratov” (1878), etc. As a result of the study, the following types have been singled out in the system of female images: angel women, a loyal friend and faithful helper; noble woman, in particular a socialite longing for being totally worshiped; selfish nihilist forgotten about her natural mission; reclaimed woman who turned to the Christian patriarchal traditions.

In our opinion, the objective scientific analysis without permitting the influence of any political ideology makes it possible to understand V.P. Meshchersky’s position and to estimate his contribution in the history of Russian journalism, literature, and social movements.

Keywords: issue of women’s rights, role of women in society, image of Russian woman, commoners and nihilists, family as state stronghold, moral principles, V.P. Meshchersky

References

1. Bik-Bulatov A.Sh. Russian Journalism of the 1860s–1870s: Nihilistic Discourse. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2006. 158 p. (In Russian)
2. Lapshina G.S. Female Personality in Russian Literature. Moscow, MediaMir, 2012. 282 p. (In Russian)

Для цитирования: Авдонина Ю.Б., Щербакова Г.И. Женские типы в публицистических и художественных произведениях В.П. Мещерского // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 3. – С. 753–765.

For citation: Avdonina Yu.B., Shcherbakova G.I. Female types in V.P. Meshchersky’s publicistic and fictional works. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 3, pp. 753–765. (In Russian)